

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ

Север и юг

МОСКВА
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г 22

Elizabeth Gaskell
NORTH AND SOUTH

Перевод с английского *Сергея Трофимова*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Гаскелл, Элизабет.

Г 22 Север и юг / Элизабет Гаскелл ; [перевод с английского С. Трофимова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 608 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-199644-4

Элизабет Гаскелл — известная британская писательница, вставшая в один ряд с сестрами Бронте, Уильямом Теккереем и Чарльзом Диккенсом. Последний высоко оценивал тексты Гаскелл о сложных судьбах, нравственных исканиях и безграничной любви.

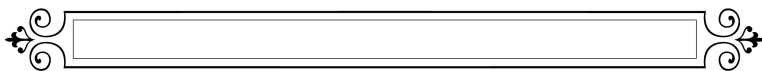
Главная героиня, уроженка Южной Англии Маргарет Хейл, вынуждена переехать в северный городок, центр промышленной революции. Маргарет ненавидит новых «хозяев жизни», а владелец хлопковой фабрики Джон Торнтон становится для нее настоящим олицетворением зла. Джона же неудержимо влечет к Маргарет, и сама она вскоре начинает чувствовать симпатию к вульгарному выскочке. Героям на протяжении романа приходится преодолевать множество предрассудков и шире смотреть на мир, не деля его на черное и белое — на север и юг, — учиться доброте и человечности.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Трофимов С.П., перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199644-4

ГЛАВА I
СПЕШНЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ
К СВАДЬБЕ

Поухаживал, женился —
вот и вся история.

Александр Росс

— Эдит! — тихо окликнула Маргарет. — Эдит!
Но, как она и подозревала, Эдит погрузилась в сон. Уютно устроившись на софе в малой гостиной особняка, стоявшего на Харли-стрит, она выглядела великолепно в своих синих лентах и белом муслине. Если бы Титания, королева фей и эльфов, надела белое платье с синими лентами и прилегла на софу, обитую темно-красным дамастом, ее было бы не отличить от Эдит. Маргарет вновь поразились красотой своей кухни. Они с детства росли вместе, и каждый человек в их окружении неизменно отмечал миловидность Эдит, но Маргарет не обращала на это внимания до нескольких последних дней, когда перспектива скорой разлуки с любимой подругой усилила очарование и все достойные качества, которыми та обладала.

Они говорили о свадебных платьях и церемониях, о капитане Ленноксе и о том, что он рассказывал Эдит об их будущей жизни на Корфу, где располагался его полк. Кухина сожалела, что вряд ли сможет поддерживать фортепьяно в настроенном виде (неприятность, которую Эдит, очевидно, считала самой страшной из тех, что могли приклю-

читься в ее замужней жизни). Затем речь зашла о платьях, необходимых ей для поездки в Шотландию, куда они собирались отправиться сразу после свадьбы. Постепенно голос Эдит начал затихать, стал более сонным, и через несколько минут Маргарет с улыбкой обнаружила, что, несмотря на шум в соседней комнате, Эдит, свернувшись в мягкий калачик из муслина, лент и шелковистых локонов, погрузилась в спокойный послеобеденный сон.

Маргарет хотела рассказать кухне о мечтах и планах, взлелеянных для своей будущей жизни в сельском доме родителей, куда она приезжала лишь на светлые праздники, поскольку последние десять лет жила в особняке тети Шоу. Однако собеседница уснула, и ей, как часто прежде, пришлось безмолвно размышлять о переменах в своей жизни. Это были радостные мысли, хотя и слегка окрашенные сожалением из-за разлуки на неопределенное время с милой тетушкой и дорогой кухней. Пока она с умилением думала о важных обязанностях единственной дочери в доме хелстонского приходского священника, до нее доносились обрывки фраз из соседней комнаты. Там после званого обеда тетя Шоу развлекала пять-шесть дам, чьи мужья задержались в столовой. То были близкие знакомые — соседи, которых миссис Шоу называла друзьями просто потому, что ей доводилось обедать с ним чаще, чем с другими людьми. И так уж сложилось, что, если тете хотелось что-то от них или им от нее, они без стеснения заходили друг к другу в дом перед ланчем.

Этих господ пригласили на прощальный обед в честь предстоявшей свадьбы Эдит. Поначалу невеста возражала против такого мероприятия, поскольку ее жених, капитан Леннокс, обещал приехать этим вечером на последнем поезде. Но, будучи избалованным ребенком, она оставалась слишком беспечной и ленивой, чтобы настаивать на своем. Мать уговорила ее, заказав для торжества всевоз-

можные лакомства, которые, как правило, всегда одолевали чрезмерную печаль невест на подобных прощальных обедах. Тем не менее Эдит почти не притронулась к еде. Она выглядела мрачной и рассеянной, пока все присутствующие радовались островам мистера Грея — джентльмена, который на обедах у миссис Шоу всегда сидел на дальнем конце стола. Именно он попросил Эдит сыграть им на фортепьяно. На этом прощальном обеде мистер Грей был настолько остроумен и хорош, что джентльмены задержались в столовой дольше обычного, благодаря чему у женщин завязался оживленный разговор, отрывки которого Маргарет удалось подслушать.

— Мне многое пришлось терпеть в замужестве. Я была вполне счастлива в браке с моим дорогим генералом, но все же разница в годах создавала помехи. Поэтому я решила, что Эдит не должна столкнуться с чем-то подобным. Конечно, даже без учета материнского пристрастия я предвидела, что мое дитя выйдет замуж в раннем возрасте. И, поверьте мне, я часто говорила, что она вступит в брак еще раньше, чем ей исполнится девятнадцать лет. Мой пророческий талант не подвел меня, и когда капитан Леннокс...

Ее голос понизился до шепота, но Маргарет легко восполнила пробел в потоке слов. Процесс искренней любви у Эдит протекал довольно гладко. Миссис Шоу, как она сказала, положила на свои предчувствия и даже настояла на браке, хотя многие друзья семейства прочили для юной и красивой наследницы более удачную партию. Однако миссис Шоу заявила, что ее единственная дочь вольна вступать в брак по любви (при этих словах она печально вздохнула, намекая, что данное чувство не являлось ее мотивом при выходе замуж за почтенного генерала). Можно сказать, что она наслаждалась романтикой помолвки больше, чем ее дочь. Конечно, Эдит была влюблена в капитана. Но она

скорее предпочла бы хороший особняк в Белгравии, чем ту тревожную и увлекательную жизнь на Корфу, о которой рассказывал ее жених.

Его истории, так сильно восплаившие воображение Маргарет, приводили Эдит в нервный трепет — во-первых, из-за удовольствия от нежных уговоров своего возлюбленного и, во-вторых, из-за нежелания менять налаженный быт на кочевую жизнь. Однако, приди к ней другой поклонник — владелец красивого дома, знатного имени и высокого титула, — она не поддавалась бы искушению и осталась бы с капитаном Ленноксом, хотя, наверное, позже переживала бы приступы плохо скрываемого сожаления, оттого что ее суженый не обладал подобными желаемыми реквизитами. В этом отношении она была истинным ребенком своей матери, которая, пойдя на обдуманый брак с генералом Шоу (без каких-либо возвышенных чувств, кроме уважения к его личности и социальному положению), постоянно, хотя и тихо, оплакивала свое нелегкое существование с тем, кого не любила.

Через некоторое время Маргарет слышала продолжение разговора.

— Я не буду экономить на ее приданом. Она получит все красивые шарфы и индийские шали, которые дарил мне генерал. Я ведь все равно не буду их носить.

— Она счастливая девушка, — прозвучал другой голос, который, как знала Маргарет, принадлежал миссис Гибсон — леди, питавшей к беседе особый интерес, поскольку одна из ее дочерей всего лишь две недели назад вышла замуж. — Хелен мечтала получить в подарок индийскую шаль. Но, узнав, какую непомерную цену запросили за эту вещь, я отказала дочери. Теперь, услышав о ваших индийских шалах, она будет сильно завидовать Эдит. А какого они вида? Это те, что из Нью-Дели? С красивой маленькой каймой?

Маргарет снова услышала голос тети. Похоже, миссис Шоу приподнялась с кушетки и повернулась к затемненному входу в малую гостиную.

— Эдит! — позвала она. — Эдит, ты слышишь?

Затем она замолчала, будто утомившись от усилий. Маргарет вышла из комнаты в зал.

— Ваша дочь уснула, тетя Шоу. Могу ли я чем-то помочь?

При этих словах все леди сочувственно запричитали: «Бедное дитя!» Их шумная вспышка жалости разбудила маленького мопса, дремавшего в руках миссис Шоу. Собачка начала лаять.

— Тише, Тини! Испорченная девочка! Ты разбудишь свою хозяйку. Маргарет, дорогая, я хотела отправить Эдит к Ньютон с просьбой принести нам шали. Может, ты сходишь к ней?

Маргарет поднялась в старую детскую, расположенную на верхнем этаже. Теперь здесь хозяйничала Ньютон. Служанка проверяла кружева, необходимые для свадьбы. Пока Ньютон с ворчанием доставала из шкафа индийские шали — за этот день их показывали гостям четыре или пять раз, — Маргарет с грустью осматривала комнату, вспоминая, как девять лет назад ее привезли в Лондон (можно сказать, прямо из леса), чтобы сделать компаньонкой по играм и урокам для кузины Эдит. В этой темной, типичной для Лондона детской заправляла аскетичная манерная няня, которая придирчиво следила за чистотой их рук и опрятностью платьев. Здесь же состоялось ее первое чаепитие — отдельно от отца и тети, обедавших где-то внизу под бесконечными лестничными пролетами. По ее наивной логике, она находилась наверху, то есть на небе. Значит, взрослые обедали внизу, в самых недрах земли. Дóма — до того, как она переехала в особняк на Харлистрит, — гостиная служила ей детской комнатой, в которой

она проводила много времени, и Маргарет всегда обедала и завтракала вместе с родителями.

Но хорошо ли воспитанной и гордой восемнадцатилетней девушке вспоминать горькие слезы разлуки, пролитые маленькой девятилетней девочкой, в ту первую ночь прятанной свое лицо под одеялом? Няня велела ей не плакать: ведь она могла разбудить и расстроить мисс Эдит. Однако Маргарет рыдала еще сильнее, пусть и тише, до тех пор, пока ее величественная и милая тетя не поднялась наверх, чтобы показать мистеру Хейлу его маленькую дочь. И тогда она, проглотив рыдания, притворилась спящей. Маргарет боялась огорчить отца своими безутешными слезами и показать их тете. Было неправильно вести себя так после долгих надежд и планов, которые они лелеяли дома, прежде чем ей подобрали гардероб, соответствующий знатному окружению, и прежде чем папа смог оставить на несколько дней свой приход, чтобы отвезти ее в Лондон.

С той поры она успела полюбить детскую комнату, хотя сейчас ее переделали в помещение для прислуги. Маргарет снова осмотрелась вокруг. Мысль о том, что через три дня она должна будет покинуть дом тети, пробудила в ней мягкое сожаление.

— Ах, Ньютон, — сказала она, — я думаю, мы все будем с тоской вспоминать эту милую комнату.

— Может, кто и будет, мисс, но только не я. Мои глаза уже не так хороши, как в молодости, а освещение здесь плохое, поэтому для починки кружев мне приходится сидеть у окна. Там всегда ужасный сквозняк — такой, что можно околеть от холода.

— Надеюсь, что в Неаполе вам хватит и тепла, и света. И штопать, наверное, придется не меньше, чем здесь. Спасибо, Ньютон. Я сама отнесу их вниз. Вы же заняты.

С наслаждением вдыхая пряный запах шалей, Маргарет спустилась в большую гостиную. Так как Эдит еще спала,

тетя попросила ее на себе продемонстрировать великолепие индийских нарядов. Никто, конечно, не сказал об этом, но высокая и стройная Маргарет, облаченная в черное шелковое платье, которое она носила как траур по дальнему родственнику, поразила всех своей красотой. Яркие пестрые шали, брошенные на плечи девушки, ниспадали длинными изящными складками, подчеркивая ее фигуру. На Эдит они смотрелись бы не так рельефно. Маргарет молча стояла под люстрой и послушно выполняла указания тети. Во время одного из поворотов она случайно увидела свое отражение в зеркале над каминной полкой — знакомые черты в обрамлении наряда восточной принцессы. Ей нравилось носить такие дорогие вещи. С довольной улыбкой на губах она погладила шаль, радуясь, как ребенок, ее мягкой фактуре и яркой расцветке.

И тут открылась дверь. Слуга объявил о прибытии мистера Генри Леннокса — брата жениха. Некоторые леди отступили назад, словно устыдившись своего женского интереса к нарядам. Миссис Шоу, протянув руки, направилась к вошедшему гостю. Маргарет неподвижно стояла под люстрой, не зная, нужны ли еще ее услуги в качестве манекена для показа индийских шалей. Весело глядя на мистера Леннокса, девушка не сомневалась, что он благожелательно относится к той смехотворной ситуации, в которой она невольно оказалась.

Ее тетя была поглощена беседой с мистером Ленноксом, который по неким причинам не смог прибыть к обеду. Она расспрашивала его о брате и сестре (та приехала по данному случаю вместе с капитаном из Шотландии), а также о других членах их семейства. Маргарет подумала, что надобность в ее услугах отпала, и принялась развлекать остальных гостей, о которых тетя Шоу на время забыла. К тому моменту из малой гостиной, моргая и щурясь от сильного света, вышла невеста. Поправляя сбившиеся ло-

коны, она выглядела как Спящая красавица, пробудившаяся от долгого сна. Очевидно, сквозь дремоту она услышала голос Генри и заставила себя проснуться, так как ей хотелось расспросить о дорогой Жанет, будущей свояченице, которую Эдит пока еще не видела, но уже безмерно любила. Кузина говорила о ней так восторженно, что Маргарет, будучи очень гордой, едва сдерживала проснувшуюся в ней ревность к внезапно появившейся сопернице.

Прислушиваясь к беседе, которую вела тетьа Шоу, Маргарет заметила, что Генри Леннокс несколько раз посмотрел на стул, стоявший рядом с ней. Она поняла, что, как только Эдит закончит свои расспросы, он займет это место. Из утренних рассуждений тети Шоу относительно планов Генри Леннокса она сделала вывод, что он вряд ли сможет приехать на званый обед. Поэтому его появление стало для нее сюрпризом. И теперь она рассчитывала на приятный вечер. У них с Генри было сходство взглядов на многие вещи. Ее лицо окрасилось легким румянцем. Вскоре он подошел, и Маргарет встретила его с улыбкой, в которой не было даже намека на робость или застенчивость.

— Я вижу, все собравшиеся дамы погружены в женские дела. Это так не похоже на мои повседневные занятия юриспруденцией. Примерка шалей очень отличается от составления посмертных завещаний.

— О, я представляю, как вы удивились, застав нас за любованием столь пышными нарядами. Но индийские шали совершенны в своей красоте.

— Я не сомневаюсь, что они красивы. Их цены, кстати, тоже высоки. Посмотришь на них, и отпадает всякое желание приобретать такие дорогие вещи.

В гостиную один за другим начали входить джентльмены. Шум голосов усилился.

— Это ваш последний званый обед, не так ли? До четверга их больше не будет?

— Да. Думаю, после этого вечера мы сможем отдохнуть, чего я не делала уже несколько недель, по крайней мере не будет спешных дел и беготни. Все приготовления к свадьбе закончены. Осталось лишь томление для сердца. Наконец-то у меня появится время для размышлений. И я уверена, что Эдит тоже будет рада покою.

— Не знаю, как насчет вашей кузины, но вы действительно будете рады. Когда бы я ни встретил вас в последнее время, вы тут же исчезали в вихре забот о какой-нибудь другой особе.

— Да, — печально согласилась Маргарет, вспоминая бесконечные тревоги по пустякам, которые длились уже больше месяца. — Интересно, неужели свадьбе всегда предшествует такая суета, которую вы сравнили с вихрем, или в иных случаях возможна более спокойная и тихая подготовка к торжеству?

— Вы имеете в виду случай, подобный тому, что произошел с Золушкой, крестная мать которой наколдовала приданое, свадебный стол и пригласительные письма? — засмеявшись, произнес мистер Леннокс.

— А нужны ли вообще все эти хлопоты? — спросила Маргарет, глядя джентльмену прямо в глаза.

Неописуемая усталость от всех приготовлений, которыми Эдит, как верховная власть, занималась последние шесть недель лишь для того, чтобы произвести хорошее впечатление на приглашенных гостей, давила на Маргарет тяжелым бременем, и ей действительно был нужен собеседник, который мог бы порадовать ее приятными и светлыми идеями о браке.

— Конечно, — ответил мистер Леннокс, переходя на более серьезный тон, — люди соблюдают современные формальности и выполняют церемонии не столько для собственного удовольствия, сколько для того, чтобы закрыть рты сплетникам, недовольным умеренностью

некоторых свадеб. А как бы вы устроили свое бракосочетание?

— О, я никогда не думала об этом! Мне только хотелось бы, чтобы оно проходило прекрасным летним утром и чтобы мы шли в церковь под сенью деревьев. Еще я обошлась бы без множества подружек и свадебного застолья. Смею сказать, что я настроена против тех ненужных формальностей, которые в последнее время так сильно осложняли мою жизнь.

— Я не знал, что вы такая! Идея величавой простоты изумительно подходит вашему характеру.

Его слова не понравились Маргарет. Он уже не раз пытался завести с ней беседу о ее характере и привычках и при этом не скупился на лестные замечания. Воспоминания о подобных случаях насторожили ее. Она быстро прервала его речь:

— Мне приятнее думать о пешем шествии к хелстонской церкви, чем о поездке в экипаже по мощеной улице к какому-нибудь лондонскому собору.

— Расскажите мне о Хелстоне. Вы никогда не описывали его достопримечательности. Мне хотелось бы получить какое-то представление о том, где вы будете жить, когда дом по адресу Харли-стрит, 96 будет выглядеть тусклым, скучным и безлюдным. Хелстон — это поселок или город?

— О, это просто деревня! Не думаю, что могу назвать его поселком. Там находится церковь, вокруг которой располагаются дома... скорее коттеджи. А во всех садах цветут розы!

— И они цветут круглый год. Особенно на Рождество. Сделайте вашу фантазию полной.

— Нет, — немного раздраженно ответила Маргарет, — я не фантазирую. Я пытаюсь описать вам Хелстон таким, какой он есть. Вы не должны так шутить.

— Я раскаиваюсь, — произнес Генри Леннокс. — Только, судя по вашим словам, это деревня из сказки, а не из реальной жизни.

— Так оно и есть, — с жаром заявила Маргарет. — Все другие места в Англии, которые я видела после Нью-Фореста, кажутся грубыми и прозаичными. Хелстон похож на деревню из стихотворений Теннисона. Но я больше не буду описывать его. Если я поделюсь своими мыслями о нем и расскажу, как он красив на самом деле, вы будете смеяться надо мной.

— Клянусь, не буду! Однако я вижу, что вы можете быть непоколебимой. Расскажите мне хотя бы о том, как выглядит дом приходского священника.

— О, я не в силах описать его. Это мой дом, и никакие слова не передадут его очарования.

— Я покоряюсь вашему упрямству. Вы сегодня слишком строгая, Маргарет.

— Неужели? — воскликнула она, взглянув на него своими большими глазами. — Я не замечала этого за собой.

— Ну, сами посмотрите! Я сделал неудачное замечание, и вы тут же отказались рассказать, как выглядит Хелстон. Мне очень хотелось услышать рассказ о вашем доме, но вы и словом о нем не обмолвились.

— Я действительно не смогу описать вам мой дом. И пока вы не увидите его, все, что я скажу, останется лишь пустыми фразами.

— Тогда мне придется...

Между ними повисло молчание.

— Ладно, — продолжил Генри Леннокс, — расскажите, что вы будете делать в своем милом Хелстоне? Здесь до середины дня вы читали книги, получали уроки и совершенствовались ваш ум другими способами. Затем были прогулки перед ланчем, вы проводили время с вашей тетей и вечерами занимались рукоделием. А что заполнит ваш

день там? Вы будете скакать на лошади, кататься по лугам в коляске или гулять пешком?

— Конечно же, пешком! У нас нет лошади... даже для папы. Ему приходится ходить по узким тропинкам до самых дальних участков прихода. Но пешие прогулки так прекрасны! Я не променяла бы их на верховую езду и катание в коляске.

— Вы будете работать в саду? Мне говорили, что так поступают многие юные леди, живущие в сельской местности.

— Не знаю. Боюсь, мне не понравится такая грубая работа.

— Значит, вечеринки со стрельбой из лука, пикники, веселые игры в шары и охотничьи балы?

— О нет! — засмеявшись, ответила Маргарет. — Мои родители живут очень скромно. И даже если бы такие мероприятия проводились где-нибудь рядом с нами, я вряд ли ходила бы на них.

— У меня сложилось впечатление, что вам не очень-то хочется отвечать на мои вопросы. Вы говорите лишь о том, что не собираетесь делать того или этого. Перед окончанием отпуска мне придется нанести вам визит и посмотреть, какими делами вы будете там заниматься.

— Надеюсь, вы действительно приедете. Тогда вам станет ясно, насколько красив наш Хелстон. Извините, мне пора идти. Эдит собирается играть на фортепьяно, и я должна буду переворачивать страницы нот. Кроме того, если мы продолжим разговор во время музицирования, тете Шоу это не понравится.

Эдит играла великолепно. В середине произведения все услышали скрип двери, и Эдит увидела капитана Леннокса, нерешительно остановившегося на пороге гостиной. Девушка тут же перестала играть и бросилась к нему, предоставив право смущенной и покрасневшей Маргарет объ-

яснить изумленным гостям причины столь стремительного бегства. Вероятно, капитан Леннокс приехал раньше, чем ожидалось. Или на самом деле было так поздно? Гости посмотрели на часы, удивились тому, как быстро пролетело время, и стали расходиться по домам.

Сияющая от удовольствия Эдит вернулась в гостиную, немного робко, но вместе с тем гордо ведя за собой высокого красивого капитана. Генри пожал ему руку, после чего миссис Шоу приветствовала жениха дочери в своей радушной манере, которая всегда сопровождалась неким заунывным оттенком, возникшим от долгой привычки считать себя жертвой неравного брака. Теперь, когда генерал умер, она была поставлена в тупик, поскольку ее прежняя показная печаль казалась уже бессмысленной. Поэтому миссис Шоу обеспокоилась своим здоровьем, которое стало источником ее плохих предчувствий. Как только она начинала думать о нем, у нее появлялся нервозный кашель. К счастью, какой-то любезный доктор предписал ей то, чего она так долго желала, — зимний отдых в Италии. У миссис Шоу, как и у других людей, имелось множество страстных желаний, но ей не нравилось делать что-то, руководствуясь простыми и открытыми мотивами собственной воли. Она предпочитала, чтобы ее вели к удовольствиям по принуждению, а вернее, по указанию или желанию какой-нибудь другой особы. Она убеждала себя, что подчинялась грубой внешней необходимости, и поэтому позже могла жаловаться на свою судьбу, хотя на самом деле все время делала лишь то, что ей нравилось.

Именно в такой манере она и начала рассказывать капитану Ленноксу о ее намечавшемся путешествии в Италию. Тот, связанный долгом и уважением, соглашался со всем, что говорила будущая теща, но его глаза постоянно искали Эдит, которая занималась подготовкой чайного

столика и давала распоряжения служанкам насчет различных лакомств, хотя жених заверил ее, что два часа назад он пообедал в поезде.

Мистер Генри Леннокс стоял, прислонившись к каминной полке, и с улыбкой наблюдал за этой семейной сценой. Он был похож на своего красивого брата, но считался обладателем самой неброской внешности в их миловидной семье. Тем не менее его умное и подвижное лицо сияло интеллектом, и время от времени Маргарет гадала, о чем он думает, сохраняя молчание и с саркастическим интересом поглядывая то на Эдит, то на нее. Естественно, его сарказм был вызван беседой миссис Шоу с его братом, а интерес относился к совсем другой волнующей сцене. Ему нравилось наблюдать за двумя кузинами, занятыми сервировкой чайного столика.

Эдит решила взять все хлопоты на себя. Невеста была рада показать жениху, как хорошо она может справляться с обязанностями офицерской жены. Обнаружив, что вода для чая успела остыть, она велела принести большой кухонный чайник. В результате, когда Эдит встретила служанку в дверях и попыталась понести чайник к столу, он оказался несколько тяжелым для нее. Вновь отдав его служанке, она посмотрела на черное пятно сажи, появившееся на муслиновом платье, и отпечаток деревянной рукоятки на пухлой белой ладони, а затем, недовольно надув губы, словно поранившийся ребенок, она показала их капитану Ленноксу. И, конечно, утешение для обоих случаев последовало незамедлительно. Спиртовая конфорка, быстро разоженная Маргарет, оказалась более эффективным средством, хотя она и не вполне отвечала идее о кочевом лагере, который Эдит в своих мыслях считала ближайшим подобием жизни в солдатских бараках. После этого вечера последовали новые спешные приготовления, в конце концов завершившиеся пышной свадьбой.

ГЛАВА 2

РОЗЫ И ШИПЫ

Сквозь мягкий зеленый свет на лесной прогалине,
По мшистым кочкам, где играло твоё детство,
К высокому дереву у дома, через крону которого
твои глаза
Впервые и с любовью посмотрели на летнее небо.

Фелиция Хеманс

Маргарет, снова одетая в траурное платье, возвращалась в Хелстон вместе с отцом, который приезжал на свадьбу. Ее мать осталась дома по множеству мелких причин, ни одна из которых не была бы понята никем, кроме мистера Хейла. Дело в том, что все его аргументы в пользу серого атласного платья, застрявшего на полпути между новизной и старостью, оказались неприемлемыми. Миссис Хейл сказала ему, что раз у него не хватает денег на новую одежду для жены — причем от макушки до кончиков пальцев на ногах, — она не хочет появляться на свадьбе ребенка своей единственной сестры. Если бы миссис Шоу догадалась о реальной причине ее отсутствия на свадьбе, она осыпала бы миссис Хейл ворохом новейших нарядов. Но с тех пор, как миссис Шоу была бедной мисс Бересфорд, прошло почти двадцать лет, и она успела забыть все прежние беды, кроме тех неприятностей, которые возникали от неравенства в возрасте при замужней жизни. О них она могла говорить через каждые полчаса. А ее дорогая сестра Мария вышла замуж за мужчину своего сердца, с добрейшим характером и иссиня-черными волосами, так редко встречавшимися в наши дни. И, главное, он был всего лишь на восемь лет старше ее!

Миссис Шоу считала мужа своей сестры одним из самых очаровательных служителей церкви, о которых она когда-либо слышала. Просто идеал приходского священника!

Возможно, ей не хватало логики в своих умозаключениях, когда она думала об участии сестры, но для ее рассуждений были характерны следующие две фразы: «Дорогая Мария вышла замуж по любви. Что еще она может желать в этом мире?» Миссис Хейл, осмелюсь она сказать правду, могла бы ответить ей огромным списком, в который были бы включены серебристо-серый гладкий шелк, белая дамская шляпка, дюжины нарядов для свадьбы и сотни вещей для дома.

Маргарет сообщили, что ее мать не нашла удобным приехать в Лондон. Впрочем, она не жалела, что их встреча состоится в спокойной атмосфере хелстонского пастората, а не в той безумной суете, царившей два последних дня на Харли-стрит, где ее наделили ролью Фигаро и требовали везде в одно и то же время. За эти сорок восемь часов ей столько пришлось сделать и сказать, что теперь у нее все болело от усталости. Расставание и торопливое прощание с людьми, с которыми она так долго жила в одном доме, удручали ее, вызывая печаль и сожаление о временах, которых больше не будет. И не важно, какими были те времена. Они ушли и больше не вернуться. Сердце ныло сильнее, чем ожидалось, и, уезжая домой, Маргарет знала, что будет годами скучать по этому месту, по тем моментам, которые после долгой и острой тоски когда-нибудь растворятся до расплывчатых призрачных грез. Усилием воли она отбросила воспоминания о прошлом и перешла к спокойным размышлениям о желаемом будущем.

Отринув видения памяти, девушка заставила себя вернуться в реальность и осмотрела вагон пассажирского поезда. Перед ней, откинувшись на спинку сиденья, дремал отец. Его некогда густые черные волосы стали теперь седыми и ниспадали на лоб тонкими прядями. Скулы явственно проступали под кожей — слишком сильно для прежней красоты. А ведь когда-то его лицо было округ-